

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

В ситуациях, когда предмет исследования оказывается на стыке наук, нередко появляется потребность в выделении новой, специальной дисциплины. Такая потребность возникла сегодня при изучении целого ряда проблем на стыке политологии и юриспруденции. В начале 2017 г. в Департаменте прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург) состоялось заседание Петербургского семинара по правам человека, работающего под эгидой Исследовательского комитета по правам человека Российской ассоциации политической науки. На нем был представлен доклад руководителя департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб. А. Сунгурова, который и лег в основу представленного здесь текста статьи. Однако сама специфика междисциплинарности предмета исследования диктует необходимость учета в обсуждении точки зрения не только политологов, но и юристов. Поэтому для большей полноты обсуждения важно ознакомиться и с позицией юриста, выступавшего на упомянутом заседании и затем специально для журнала кратко изложившего свою точку зрения. Один из участников обсуждения доклада А. Карцов, наряду с выступлением в дискуссии, прислал позже свою позицию в виде текста – реплики, которая также публикуется в этом выпуске журнала.

*А.Ю. СУНГУРОВ,
А.Е. СЕМИКОВА*

Юридическая политология или политология права: Эскиз исследовательского поля

В статье рассматриваются общественно-политические явления, изучаемые в рамках как политической науки, так и правоведения. Ранее уже предпринимались попытки выделить юридическую политологию или политологию права в отдельное междисциплинарное направление, но на данный момент его самостоятельность в достаточной степени не доказана, требуется определить предметное поле и выработать методологию. Основываясь на изучении нормативно-правовых актов, истории их принятия и применения, авторы заключают, что фокус исследований здесь должен быть обращен на анализ проблем правотворчества и правоприменения как на микроуровне (трансформация права внутри страны), так и на макроуровне (имплементация международного права на национальном уровне). Предлагается включить в исследовательское поле юридической политологии следующие темы: концепция универсальных прав человека, правосудие переходного периода, коррупция и ее преодоление, суверенитет государств и глобализация, “мягкое право”.

Ключевые слова: политология, право, научное направление, междисциплинарность, правотворчество, правоприменение, Европейский суд по правам человека.

Сунгуров Александр Юрьевич – профессор, руководитель департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: asungurov@mail.ru

Семикова Анна Евгеньевна – магистрант департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: aesemikova@mail.ru

Развитие законодательства – ключевое и одно из наиболее проблемных направлений в деятельности любого государства. Однако, выступая основным социальным регулятором, право на практике зачастую не выполняет в полной мере эту функцию, что выражается в низкой эффективности правоприменения.

Ключевые факторы, определяющие властно-государственную организацию общества, – политика и право. Право, будучи неотъемлемым институтом государства и общества, наиболее явно отражает результаты изменения как политической ситуации в целом, так и функционирующего политico-правового режима. В социальном контексте право – суть связующее звено между политическими институтами и обществом. Именно право наряду с политикой рассматриваются в качестве важнейших инструментов легитимации и делегитимации государственных целей [Соловьев 2016]. Как же взаимодействуют правовые и политические инструменты и каковы характер и результаты такого взаимодействия?

На стыке политической науки и правоведения возникают проблемы правотворчества и правоприменения. Как политические факторы влияют на развитие законодательства? Какова сравнительная роль законодателей, структур исполнительной власти, администрации Президента РФ, политических партий, экспертного сообщества и гражданских организаций в инициировании, разработке и продвижении законо-проектов? Например, законопроект “Об общественном контроле” был разработан экспертами и гражданскими активистами в рамках деятельности Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Однако “небольшая доработка”, проведенная перед внесением в Государственную думу в 2014 г., привела к радикальному изменению его содержания (из списка субъектов общественного контроля “выпали” граждане и общественные организации). В настоящее время поднимается вопрос об их легализации в качестве субъектов контроля, но уже путем внесения поправок в действующий закон [Городецкая 2016].

Очень часто “точки соприкосновения” политики и права прослеживаются в избирательном применении права. Так, еще в начале XX в. российский правовед А. фон Бринкман, основываясь на историческом анализе практики отношения российских чиновников к законам, пришел к выводу, что они обладают способностью разделять все принимаемые в государстве законы на две категории: подлежащие беспрекословному исполнению, иначе и “голову с чиновника могут снять”, и те, за невыполнение которых никакой кары не будет (первая категория – направлена на интересы двора, вторая – всех остальных) [Бринкман 2006]. Кроме того, анализ правовых норм и их применения показывает, что характер закрепленного в нормативно-правовых актах права, то есть такого, “каким оно должно быть”, и права, каким оно реализуется на практике, значительно различается. Предлагаем классифицировать случаи трансформации права в практической плоскости на внутренний и внешний уровни.

Внутренний уровень (или микроуровень) включает трансформацию права в отношении отдельных индивидов и организаций внутри страны. Так, с одной стороны, ст. 31 Конституции РФ 1993 г. устанавливает, что “Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование”, а с другой – данное право регламентировано нормативно-правовыми актами, устанавливающими многочисленные ограничения для его реализации. Особую роль в этом процессе сыграл принятый в 2014 г. Федеральный закон № 258-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях” (<http://www.pravo.gov.ru>). Он серьезно ужесточил административную и уголовную ответственность за несоблюдение законодательства о публичных мероприятиях. Аналогичная ситуация сложилась с конституционным правом граждан на объединение (ст. 30 Конституции РФ) в связи с принятием Федерального закона № 121-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента” (см. “Российская газета”, 2012, № 166),

установившего понятие “некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента”, также ужесточившего уголовную ответственность в сфере деятельности НКО. В этих случаях явно просматривается трансформация права на микроуровне. Трансформация права на внешнем уровне (макроуровне) может выражаться в характере имплементации международного права на национальном уровне (к этому мы вернемся позже).

Политология права или юридическая политология?

Описанные здесь, пусть и кратко, проблемы стали одной из причин возникновения в последние годы попыток выделить научное направление, постепенно формирующееся на пересечении юридической и политической наук. Эту междисциплинарную область предлагается именовать как юридическая политология [Смирнов 2008; Медведев 2015], или политология права [Мизулин 2008]. Предполагается, что в область изучения нового направления должно быть включено “политологическое обеспечение всех стадий действия норм права: 1) выявление потребностей в принятии нового закона или в изменении действующего закона; 2) разработка и принятие законов; 3) применение законов; 4) правоохранительная стадия” [Смирнов 2005, с. 26], что в целом связано “с правовыми и юридическими закономерностями формирования и функционирования политической власти” [Медведев 2015, с. 9].

Однако это лишь общее понимание содержания и функциональной направленности политологии права (юридической политологии). Должного развития данная область научного познания пока не получила. Причина столь медленного развития заключается прежде всего в неоднозначном ее положении. Так, с одной стороны, руководствуясь концепцией В. Степина, согласно которой основой науки нового этапа является ее междисциплинарность [Степин 2000], юридическая политология или политология права имеет полноценное право на существование. Кроме того, определенные параллели прослеживаются и в развитии иных междисциплинарных наук, например в социологии права. С другой стороны, в рамках классического понимания науки могут возникнуть сомнения относительно научной самостоятельности политологии права из-за высокого уровня междисциплинарности ее предмета и методологии. Такие дискуссии ведутся сегодня и по поводу уже устоявшегося научного направления, в частности социологии права: относится она к правоведению или к социологии [Масловская 2007, с. 52].

В зарубежной науке также отсутствует термин, позволяющий объединить все сферы и механизмы сотрудничества политологии и юриспруденции. Повсеместно акцентируется внимание на глубоком взаимопроникновении политики и права. Так, профессор политологии Принстонского университета (США) К. Виттингтон указывает, что право выступает важнейшим инструментом осуществления политических действий. Посредством права государство влияет на общество, а право устанавливает структурные и функциональные рамки для государственных структур [Whittington 2013]. Нередки для зарубежных университетов специальные курсы и программы, посвященные совместному изучению политики и права. Например, они реализуются в Эдинбургском университете [LLB Law and Politics...], в Школе права Вашингтонского университета [Law & Politics]. При этом отдельный, объединяющий междисциплинарные связи политологии и юриспруденции термин не применяется, а соответствующие курсы и программы именуются как “Право и политика”. В поисках терминологического единства можно встретить понятие “*political law*” (“государственное право”). Однако и оно не отражает всей полноты политico-правового взаимодействия, ограничиваясь лишь в значении отрасли права, устанавливающей основы формирования и функционирования органов государственной власти [Politics... 2013]. Поэтому мы будем пока использовать оба термина – “юридическая политология” и “политология права”.

Соотношение с социологией права

В некотором смысле очерченная выше область реальности уже более или менее успешно описывается таким направлением, как социология права. Оно возникло в середине позапрошлого века и изучает существенную часть из выделенного нами поля реальности. Однако социология права возникла, когда политическая наука как самостоятельное направление еще только зарождалось, выделяясь из теории государства, социологии, истории, философии и других наук. Сегодня же политическая наука активно развивается и может претендовать на автономность, исследуя близкие к социологии права процессы. Заметим, что если при изучении правоприменения пересечение с социологией права будет больше, то иная картина появляется при анализе правотворчества, так как оно затрагивалось социологией права существенно реже.

В своей монографии А. Медушевский дает следующее определение цели социологии права: “Выяснение взаимосвязи правовой нормы и социальных структур в процессе изменений, определение характера этой взаимосвязи (позитивная или негативная корреляция их отношений) и степени их синхронности (опережающая роль правового регулирования по отношению к социальным изменениям или наоборот), параметры дисфункции между ними (когда, например, введение правовой нормы приводит к неожиданным или даже прямо противоположным ожидавшимся социальным последствиям), определение перспективных направлений социального конструирования и планируемого социального эффекта, наконец, достижение социальных целей путем направленной политики права” [Медушевский 2006, с. 11–12]. Если в этом определении прилагательное “социальное” заменить на “политическое”, то получим достаточно точное определение цели предлагаемой нами политологии права.

Отличием же предмета политологии права от социологии права была бы концентрация внимания на властных институтах, рассматриваемых в контексте их взаимодействия с негосударственными акторами (гражданскими организациями, бизнес-структурами, экспертными сообществами) в поле правотворчества и правоприменения. Один из таких аспектов – проблематика общественного контроля деятельности структур исполнительной власти и силовых структур [Карастелев 2015]. В рамках политологии права естественно обращение внимания на становление и развитие институтов третьей ветви власти – судебного и парасудебного характера (к последним может быть отнесен, например, институт омбудсмена, или уполномоченного по правам человека) (см. [Сунгуров 2005]).

Специфика политологии права

Предметом анализа тут могут стать и развитие института права в результате деятельности судов различной формы и вида, и деятельность судов как институтов и организаций, относительная роль судей и секретариата [Григорьев 2015], и роль иерархии судебного корпуса, отношения судов с другими акторами поля публичной политики – исполнительной и законодательной властью, экспертным сообществом, структурами гражданского общества и СМИ. Особая роль здесь могла бы принадлежать обстоятельствам создания и деятельности Конституционных и Уставных судов, в которых тесно переплетаются правовые и политические аргументы и влияния [Григорьев 2012].

В рамках политологии права могли бы рассматриваться концепции и универсальных прав человека, и (или) правосудия переходного периода, которые не принято исследовать в рамках социологии права, так как во времена появления последней они либо не существовали, либо находились в зачаточном состоянии. Действительно, концепция универсальных прав человека не может рассматриваться лишь в пределах правоведения, ибо ее положения принципиально экстраправильны, то есть выходят за рамки существующего позитивного права [Donnelly 2013; Сунгуров 2010]. Они скорее задают направление должных изменений. Кроме того, именно с учетом концепции универсальности прав человека может и должен рассматриваться современный

мировой порядок, включая систему ООН и региональные структуры (типа Совета Европы). В этом плане, как заявил М. Пэриш (Великобритания) в своем выступлении на конференции “Международное право в условиях глобализации”, проходившей в Санкт-Петербурге в декабре 2016 г., концепцию прав человека можно рассматривать как своего рода идеологию, которая, как считают некоторые сотрудники ООН, заложена в основе ее создания (права человека выше суверенитета отдельных государств). Другие сотрудники ООН, впрочем, видят (по мнению Пэриша) в своей организации просто форму достижения определенных межгосударственных договоренностей, а универсальность прав человека рассматривают лишь как одну из мировых идеологий. Однако именно представление о том, что все люди изначально обладают определенными правами, задает, на наш взгляд, перспективу изменений и национального права. В дополнение к ранее указанным “точкам пересечения” права и политики предмет изучения нового междисциплинарного направления стоит дополнить такими темами, как правосудие переходного периода, коррупция и ее преодоление, суверенитет государств и глобализация, “мягкое право”.

Права человека как междисциплинарное научное направление оформилось в мировой науке об обществе уже в конце прошлого века, в России же оно только зародилось [Права человека... 2012], но пока так и не завоевало широкого признания, что связано, скорее всего, с особенностями изменения политического режима в последние годы. Здесь предметом исследования могут и должна быть как и сама концепция прав человека, развитие теории прав человека, так и размышления над возникающими в ее рамках проблемами и противоречиями [Сунгурев 2010]. Второе направление – ее влияние на нормативное поле российского государства, соответствие или несоответствие принимаемых в России законов и подзаконных актов концепции универсальности прав человека. Далее – это общественные дискуссии вокруг прав человека и такая форма их продвижения, как развитие гражданского образования или, как это сформулировано в документах Совета Европы, “воспитание демократической гражданственности на основе приоритета прав человека” [Дубровский, Стародубцев 2012]. Важным направлением в этом сегменте юридической политологии выступает изучение развития институтов защиты и продвижения прав человека – как государственных (институт омбудсмена, уполномоченного по правам человека), так и негосударственных (общественные правозащитные организации) [Сунгурев, Распопов, Глухова 2013].

Одним из следствий концепции универсальности прав человека стала Концепция правосудия переходного периода, возникшая на рубеже XX и XXI вв. [Cottmac 2008], которая рассматривает универсальность прав человека не в пространственном, а в темпоральном измерении. Она позволяет игнорировать любые решения судов или политические договоренности, если они принимались в условиях отсутствия справедливого и независимого суда, или, иначе говоря, в стране, не имевшей признаков демократического правового государства. В содержательном плане концепция правосудия переходного периода означает, в частности, правовое реагирование на совершенные в прошлом преступления. Следовательно, так называемое “отложенное” реагирование стало возможным в результате изменения политических условий [Бобринский 2014]. Правосудие переходного периода – не особая форма правосудия, а правосудие, адаптированное к новым демократическим условиям в обществе, переживающем переход от времени, когда нарушения прав человека считались нормальным положением дел. Меры правосудия переходного периода, как правило, включают: преследование лидеров режима, осуществление инициатив, связанных с гласностью, например открытие государственных архивов и создание официальных комиссий по установлению истины, введение программ по возмещению ущерба жертвам нарушения прав человека, проверка государственных служащих, реституция права собственности. Таким образом, меры правосудия переходного периода сочетают в себе элементы уголовного, восстановительного и социального правосудия.

Причина возникновения коррупции и возможность ее преодоления, относительная роль в этом процессе политиков, сотрудников силовых структур и гражданских

организаций – другой важный сегмент юридической политологии. Аналогично концепции прав человека здесь также можно обсуждать, с одной стороны, различные теории возникновения и распространения коррупционных практик, а с другой – деятельность государственных и общественных организаций по сопротивлению им [Противодействие... 2015]. С точки зрения предупреждения коррупции, или проактивной компоненты антикоррупционной деятельности, важны усилия по антикоррупционному образованию, по воспитанию цельной личности, обладающей свойством *integrity* – цельностью, не позволяющей поддаваться соблазну участия в коррупционных практиках [Вандышева 2013].

Суверенитет государства и универсальность прав человека

Особого внимания заслуживает развитие концепции государственного суверенитета в глобальном мире. В настоящее время коллизии понимания концепции суверенитета выражаются прежде всего в разном характере имплементации норм международного права в национальные законодательства и неравноправном положении государств в международных организациях. В данном случае предметом политологии права может стать изучение казусов избирательного применения права в отношении разных по своему политическому статусу государственных акторов, анализ степени влияния политического режима на принятие правовых решений в части имплементации, иначе говоря – трансформация права на макроуровне. В настоящее время под воздействием усиливающихся противоречий между мировым сообществом и Россией соотношение норм международного и национального права приобрело коллизионный характер. Прежде всего это выражается в трактовке значения актов Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ или Европейский суд) для правовой системы Российской Федерации. С одной стороны, Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации не просто входят в правовую систему страны, но имеют приоритет над национальным правом. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 закрепило за российскими судами обязанность применять Европейскую Конвенцию с учетом прецедентной практики ЕСПЧ (см. “Российская газета”, 2003, № 244). Данную позицию в доктрине отстаивают доктор юридических наук Е. Лукьянова и кандидат юридических наук С. Некрасов.

Так, Лукьянова, подчеркивая приоритет Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция или Конвенция) над Конституцией РФ, приводит следующие аргументы. Во-первых, Конституция РФ выступает в качестве разновидности закона. Во-вторых, присоединяясь к Европейской Конвенции без подписания специального соглашения и установления ограничений, Россия признала юрисдикцию ЕСПЧ и обязалась исполнять его решения по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Помимо этого, ст. 26, 27 Венской Конвенции о праве международных договоров также указывают на обязательность и добросовестное выполнение участниками международных договоров, а нормы национального права не могут служить оправданием их неисполнения. И наконец, положения ст. 31, 34 Федерального закона № ФЗ-101 (в редакции от 12 марта 2014 г.) “О международных договорах Российской Федерации”, в соответствии с которым Конституционный суд РФ обязан разрешать дела о соответствии Конституции РФ, касается лишь тех международных договоров, которые еще не вступили в силу для Российской Федерации. Международные договоры, вступившие в законную силу, напротив, не подлежат оценке Конституционным судом на предмет их соответствия Конституции РФ, а должны добросовестно выполняться. Следовательно, исполнение решений ЕСПЧ выступает обязательным условием Конвенции о защите прав человека и основных свобод – международного договора, в котором участвует и Россия [Лукьянова 2012]. Некрасов также указывает на приоритетность Европейской Конвенции по отношению к Конституции РФ, основываясь на буквальном толковании ст. 15

Конституции РФ: "...данная норма закрепляет юридическое верховенство Конституции не в правовой системе Российской Федерации, а в системе национального законодательства, то есть лишь по отношению к правовым актам, принимаемым в Российской Федерации" [Некрасов 2017, с. 120].

С другой стороны, с 2013 г. Россия выбрала иной, избирательный, подход к применению актов ЕСПЧ. Так, п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 (см. "Российская газета", 2013, № 145) устанавливает, что в тех случаях, когда российское законодательство по сравнению с положениями Конвенции гарантирует более высокий уровень защиты прав и свобод человека, применяются нормы российского права, а не правовые позиции и итоговые выводы ЕСПЧ. Приоритетность Конституции РФ над решениями ЕСПЧ закреплена и в Постановлении Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. (№ 21-П), в котором прямо указывается, что постановления Европейского суда должны реализовываться в рамках российской правовой системы только при условии их соответствия Конституции РФ. Естественно, в истолковании соответствия, предложенного самим Конституционным судом РФ. В декабре 2015 г. в ФКЗ "О Конституционном суде Российской Федерации" были внесены изменения, согласно которым Конституционный суд получил право оценивать возможность исполнения в России решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека (см. "Российская газета", 2015, № 284). В первую очередь, данное изменение, очевидно, было нацелено на решение проблемы исполнения актов Европейского суда. Отныне Конституционный суд РФ вправе признавать решения межгосударственных органов по защите прав и свобод человека неисполнимыми в целом или в части в связи с их несоответствием Конституции РФ.

В поддержку справедливости отнесения к компетенции национальных властей вопросов, связанных с исполнением актов Европейского суда, выступают председатель Конституционного суда В. Зорькин и советник Конституционного суда РФ Б. Тузмухамедов. Поскольку национальные власти имеют более глубокое знание о своем обществе, а решения ЕСПЧ зачастую не отвечают национальным интересам, решения национальных властей должны иметь приоритет над международными актами. Смысль ст. 15 Конституции РФ предусматривает приоритет международных договоров по отношению ко всем национальным законам за исключением Конституции [Зорькин 2010]. Кроме того, стремление к достижению европейского консенсуса влечет вторжение ЕСПЧ в сферу государственного суверенитета, а участие в международных договорах не означает отказ от своего суверенитета, юридическим выражением которого является верховенство Конституции [Зорькин 2015]. Конституция стоит выше национальных законов, а акт ЕСПЧ произведен по отношению к международным договорам и в некоторых случаях может быть поставлен на один уровень с национальным законодательством. Следовательно, коллизии между Конституцией РФ и актами ЕСПЧ должны разрешаться в пользу Конституции [Тузмухамедов 2010].

Ответ международного сообщества на изменения российского законодательства был выражен в принятом 11 марта 2016 г. решении Венецианской комиссии Совета Европы, раскритиковавшей поправки, внесенные в ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" в декабре 2015 г., основываясь на их несовместимости с международными обязательствами России. По мнению ее экспертов, решения ЕСПЧ обязательны для исполнения странами-участницами. Определенная свобода выбора предоставляется только в части способов исполнения решений. Предлагается внести в обновленный закон следующие поправки: изменить формулировку "возможность исполнения решения" на "совместимость с Конституцией РФ средства исполнения международного решения"; исключить положения, согласно которым не могут осуществляться какие-либо действия, направленные на исполнение международного решения, объявленного Конституционным судом РФ не соответствующим Конституции; включить в законодательство обязанность российских властей найти альтернативные способы исполнения решения ЕСПЧ, в случае, если установленные средства

исполнения решения были признаны Конституционным судом РФ не соответствующими Конституции РФ¹.

“Мягкое право”

Завершим краткий обзор потенциальных объектов исследований в рамках политологии права концепцией “мягкого права” [Демин 2016]. Это еще окончательно не установленное понятие. На сегодняшний день оно включает в себя, во-первых, принятые в установленном порядке правовые нормы, которые в явном виде не содержат мер государственного принуждения за их невыполнение. Это нормы международных договоров и соглашений, дающие направление развитие права и подразумевающие, что в будущем страны смогут договориться и о санкциях против тех, кто эти договоры и соглашения не выполнят. Иначе говоря – это своеобразные международные “договоренности о намерениях”. Вторым видом норм “мягкого права” могут быть “международные режимы”, определяемые соглашениями профильных служб, но тем не менее, выполняемые соответствующими службами многих стран – участников этих режимов (например, режимы международной торговли и безопасности авиаполетов, предупреждения и распространения инфекций и эпидемий, и т.д.). В качестве третьего вида могут стать решения неправительственных организаций, включая и ассоциации бизнеса, и экспертные организации, такие как хартии ответственного бизнеса и другие. Они могут быть закреплены как участием ООН (например, Хартия об уважении бизнесом прав человека), так и инициативами экспертных организаций. Хорошим примером служат предельно допустимые нормы ионизирующей радиации, которые, начиная с 1920-х гг., определяются специальным экспертным комитетом, созданным тогда Международной ассоциацией радиологов. И практически все страны вот уже почти 100 лет им следуют. В контексте “мягкого права” для политологии права актуальным был бы поиск ответов на вопросы: почему люди, организации и государства в одних случаях следуют нормам “мягкого права”, а в других нет? Почему некоторые нормы так и не переходят в градацию права “жесткого”, хотя степень их исполнения может быть выше, чем некоторых традиционных законов? Вполне очевиден вывод о необходимости выделения междисциплинарной области, направленной на комплексное изучение взаимодействия политики и права. Воплощение правовых инноваций во многом зависит от политического контекста. Для снижения уровня неопределенности права и повышения эффективности правовой политики важно системно анализировать пересекающиеся аспекты права и политики, определить предметное поле, выработать общий инструментарий для изучения и разработать методологические основы. Это подтверждается многочисленными примерами такого взаимовлияния в ходе реализации государственных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский Н.А. (2014) К вопросу о концепции “правосудия переходного периода” // Библиотека криминалиста. № 1. С. 328–337.
- Бринкман А. фон (2006) Неполномочные законы (К психологии русской исполнительной власти) // ПОЛИС. № 1. С. 110–121.
- Вандышева Е.А. (2013) Роль антикоррупционного гражданского образования в противодействии коррупции // Межсекторное взаимодействие власти, бизнеса и НКО в консолидации усилий гражданского общества по борьбе с коррупцией. Самара: Международный институт рынка. С. 138–147.

¹ European commission for democracy through law (Venice commission) “Final opinion on the amendments to the Federal constitutional law on the Constitutional Court”. Opinion no.832/2015. Strasbourg, 13 June 2016. ([http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)016-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)016-e)).

- Городецкая Н. (2016) Граждане возьмут власть под контроль. СПЧ подготовил поправки к закону об Общественном контроле (<http://www.kommersant.ru/doc/3177785>).
- Григорьев И.С. (2012) Политология судов. Предмет и исследовательская программа // Политическая наука. № 3. С. 258–275.
- Григорьев И.С. (2015) Роль секретариата в работе российского Конституционного суда: фильтрация или амортизация? // Социология власти. Т. 27. № 2. С. 66–93.
- Демин А.В. (2016) “Мягкое право” в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М.: Проспект.
- Дубровский Д.В., Стародубцев А.В. (2012) Университетское образование в области прав человека в России: проблемы и решения // Права человека перед вызовами XXI века. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН. С. 331–344.
- Зорькин В.Д. (2010) Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября.
- Зорькин В.Д. (2015) Россия и Страсбург // Российская газета. 2015. 21 октября.
- Карастелев В.Е. (2015) Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России. Автореф. дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва: НИУ ВШЭ.
- Лукьянова Е.А. (2012) ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. № 5. С. 26–28.
- Масловская Е.В. (2007) Национальные школы современной социологии права // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. X. № 3. С. 52–64.
- Медведев Н.П. (2015) Юридическая политология как новое научное направление // Вопросы политологии. № 1 (17). С. 5–11.
- Медушевский А.Н. (2006) Социология права. М.: ТЕИС.
- Мизулин М.Ю. (2008) Политология права: исходные основания и принципы // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН. С. 246–257.
- Некрасов С.И. (2017) Государственный суверенитет и международные обязательства государства в сфере прав человека: позиция Конституционного Суда Российской Федерации // “Интернационализация конституционного права: современные тенденции”. М.: ИГП РАН. С. 114–123.
- Права человека перед вызовами XXI века (2012) М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН. С. 349.
- Противодействие коррупции: современные технологии (2015) СПб.: Норма.
- Смирнов В.В. (2005) Концепция открытого государства в юридической политологии // Открытое государство: пути достижения. М.: ИГП РАН.
- Смирнов В.В. (2008) Юридическая политология: теоретико-методологическая эволюция // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М.: РОССПЭН.
- Соловьев А.И. (2016) Право и политика как механизмы легитимации государственных проектов // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография. Москва: Проспект. С. 163–175.
- Соттас Э. (2008) Правосудие переходного периода и санкции // Международный журнал Красного Креста. Т. 90. № 870.
- Степин В.С. (2000) Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция.
- Сунгurov A.Yu. (2005) Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). СПб.: Норма.
- Сунгurov A.Yu. (2010) Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция // ПОЛИС. № 6. С. 90–105.
- Сунгurov A.Yu., Распопов Н.П., Глухова Е.А. (2013) Институты-mediаторы и их развитие в современной России. III. Институт Уполномоченного по правам человека // ПОЛИС. № 2. С. 110–126.
- Тузмухамедов Б.Р. (2010) Европейский суд защитил многодетного отца-офицера // Независимая газета. 2010. 13 ноября (http://www.ng.ru/politics/2010-10-13/3_kartblansh.html).
- Donnelly J. (2013) International Human Rights. Boulder, Co: Westview Press.
- Law & politics. New York Univ. School of Law (<http://www.law.nyu.edu/ areastudy/legal-theory-history-social-sciences/law-politics>).
- LLB Law and Politics. Undergraduate study – 2017. The University of Edinburgh (<http://www.ed.ac.uk/studying/undergraduate/ degrees/index.php? action=view&code=ML12>).
- Politics english-russian dictionary. 2013 (http://politics_en_ru.academic.ru/28674/political_law).

Legal Political Science or Political Science of Law: the Outline of Research Field

A. SUNGUROV*,

A. SEMIKOVA**

***Sungurov Alexander** – Professor, Head of department of the Applied Political Science Department of National Research University HSE SPb. E-mail: asungurov@mail.ru

****Semikova Anna** – Master student of the Applied Political Science Department of National Research University HSE SPb. E-mail: asemikova@mail.ru

Abstract

The article deals with the social and political phenomena which are the subject of mutual studies of political science and law. The authors note the previous attempts of researchers to identify legal political science or political science of law as a separate interdisciplinary direction, formed at the intersection of legal and political sciences. However, the authors point out that at the moment the independence of legal political science or political science of law is not proven sufficiently, it is required to determine the field of study, to develop a methodology. Based on the analysis of legal acts, the history of their passing and implementation practices, the authors conclude that the focus of legal political science or political science of law must primarily be addressed in the analysis of the law-making issues and enforcement, the latter, in turn, can be classified into internal level / micro level (the transformation of rights in respect of individuals and organizations within the country) and the external level / macro level (implementation of international law at the national level). Concerning the content, legal political science or political science of law all of these may include such topics as the concept of universal human rights, transitional justice, corruption and anti-corruption, the sovereignty of States and globalization, “soft law”.

Keywords: political science, law, research direction, interdisciplinarity, law-making, law enforcement, the European Court of Human Rights.

REFERENCES

- Bobrinskij N.A. (2014) K voprosu o koncepcii “pravosudija perehodnogo perioda” [On the question of the concept of “transitional justice”]. *Biblioteka kriminalista*, no. 1, pp. 328–337.
- Brinkman A. fon (2006) Nepolnomoshhnye zakony (K psihologii russkoj ispolnitel’noj vlasti) [Ineffective laws (The psychology of Russian executive)] (Predislovie I. L. Belen’kogo). *POLIS*, no. 1, pp. 110–121.
- Demin A.V. (2016) “Mjagkoe pravo” v jepohu peremen: opyt komparativnogo issledovanija [“Soft law” in an era of change: the experience of comparative research]. Moscow: Prospekt.
- Donnelly J. (2013) *International Human Rights*. Boulder, Co: Westview Press.
- Dubrovskij D.V., Starodubcev A.V. (2012) Universitetskoe obrazovanie v oblasti praw cheloveka v Rossii: problemy i reshenija [University education in the field of human rights in Russia: problems and solutions]. *Prava cheloveka pered vyzovami XXI veka* [Human Rights in front of the XXth Century Challenge]. Moscow: Rossijskaja assotsiacija politicheskoy nauki (RAPN). ROSSPEN, pp. 331–344.
- Gorodeckaja N. (2016) *Grazhdane voz’ut vlast’ pod kontrol’*. SPCh podgotovil popravki k zakonu ob Obshhestvennom kontrole [The citizens will take power under control. HRC has prepared amendments to the law on public control] (<http://www.kommersant.ru/doc/3177785>).
- Grigor’ev I.S. (2012) Politologija sudov. Predmet i issledovatel’skaja programma [Political science of Courts. The Subject and the program of research]. *Politicheskaja nauka*, no. 3, pp. 258–275.
- Grigor’ev I.S. (2015) Rol’ sekretariata v rabote rossijskogo Konstitucionnogo suda: fil’tracija ili amortizacija? [The role of the secretariat of the Russian Constitutional Court: filtering or depreciation]. *Sociologija vlasti*, vol. 27, no. 2, pp. 66–93.
- Karastelev V.E. (2015) *Institucionalizacija obshhestvennogo kontrolja v sisteme pravosudija i pravoohranitel’noj dejatel’nosti v sovremennoj Rossii* [The institutionalization of social control in the justice system and law enforcement in today’s Russia]. Avtoref. diss. kand. polit. nauk: 23.00.02. Moscow: NIU VShJe.

Law & politics. New York University School of Law (<http://www.law.nyu.edu/areasofstudy/legal-theory-history-social-sciences/law-politics>).

LLB Law and Politics. Undergraduate study – 2017. The University of Edinburgh (<http://www.ed.ac.uk/studying/undergraduate/degrees/index.php?action=view&code=ML12>).

Luk'janova E.A. (2012) ESPCh i Konstitucionnyj Sud RF: konflikt tolkovanij [The ECHR and the Constitutional Court of the Russian Federation: the conflict of interpretation]. *Zakon*, no. 5, pp. 26–28.

Maslovskaja E.V. (2007) Nacional'nye shkoly sovremennoj sociologii prava [National School of Modern Sociology of Law]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. X, no. 3, pp. 52–64.

Medushevskij A.N. (2006) *Sociologija prava* [Sociology of law]. Moscow: TEIS.

Medvedev N.P. (2015) Juridicheskaja politologija kak novoe nauchnoe napravlenie [Law Political Science as a new scientific field]. *Voprosy politologii*, no. 1 (17), pp. 5–11.

Mizulin M. Ju. (2008) Politologija prava: ishodnye osnovanija i principy [Political rights: the original foundation and principles]. *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshhestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodejstvija* [Public space, civil society and power: the experience of development and interaction]. Moscow: ROSSPEN, pp. 246–257.

Nekrasov S.I. (2017) Gosudarstvennyj suverenitet i mezhdunarodnye objazatel'stva gosudarstva v sfere prav cheloveka: pozicija Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [The state sovereignty and international obligations of the state in the sphere of human rights: the position of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Internacionalizacija konstitucionnogo prava: sovremennye tendencii* [Internationalization of constitutional law: current trends: monograph]. Moscow: IGP RAN, pp. 114–123.

Politics English-Russian dictionary (2013) (http://politics_en_ru.academic.ru/28674/political_law).

Protivodejstvie korrupcii: sovremennye tehnologii (2015) [Anti-corruption: modern technologies]. St. Petersburg: Norma.

Smirnov V.V. (2008) Juridicheskaja politologija: teoretko-metodologicheskaja evoljucija [Legal Political Science: theoretical and methodological evolution]. *Politicheskaja nauka v Rossii: problemy, napravlenija, shkoly (1990–2007)* [Political Science in Russia: problems, trends, schools (1990–2007)]. Moscow: ROSSPEN.

Smirnov V.V. (2005) Koncepcija otkrytogo gosudarstva v juridicheskoj politologii [The concept of open government in the legal political science]. *Otkrytoe gosudarstvo: puti dostizhenija* [Open government: the ways for achieving]. Moscow: IGP RAN.

Solov'ev A.I. (2016) Pravo i politika kak mehanizmy legitimacii gosudarstvennyh proektorov [Law and Politics as mechanisms of legitimization of state projects]. *Princip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava* [The principle of formal equality and mutual recognition of rights]. Moscow: Prospekt, pp. 163–175.

Sottas J. (2008) Pravosudie perehodnogo perioda i sankcii [“Transitional justice” and sanctions]. *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta*, vol. 90, no. 870.

Stepin V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Tradicija.

Sungurov A. Ju. (2005) *Institut Ombudsmana: jevoljucija tradicij i sovremennoj praktika (opyt sravnitel'nogo analiza)* [Institute of Ombudsman: evolution of traditions and modern practice (the experience of comparative analysis)]. St. Petersburg: Norma.

Sungurov A. Ju. (2010) Prava cheloveka kak predmet politicheskoy nauki i kak mezhdisciplinarnaja koncepcija [Human rights as a subject of political science and as an interdisciplinary concept]. *POLIS*, no. 6, pp. 90–105.

Sungurov A. Ju., Raspov N.P., Gluhova E.A. (2013) Instituty-mediatory i ih razvitiye v sovremennoj Rossii. III. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Institutions of mediators and their development in modern Russia. III. Institute of the Human Rights Ombudsman]. *POLIS*, no. 2, pp. 110–126.

Tuzmuhamedov B.R. (2010) Evropejskij sud zashhil mnogodetnogo otca-oficera [The European Court has protected many children's father, an officer]. *Nezavisimaja gazeta*, 13 nojabrja (http://www.ng.ru/politics/2010-10-13/3_kartblansh.html).

Vandyshova E.A. (2013) Rol' antikorruptionnogo grazhdanskogo obrazovaniya v protivodejstvii korrupcii [The role of anti-corruption civic education in confronting corruption]. *Mezhsektornoe vzaimodejstvie vlasti, biznesa i NKO v konsolidacii usilij grazhdanskogo obshhestva po bor'be s korrupcijei* [Intersectoral interaction of government, business and NGOs in the consolidation of the efforts of civil society to confront corruption]. Samara: Mezhdunarodnyj institut rynka, pp. 138–147.

Whittington K.E. (2013) *Law and Politics: Critical Concepts in Political Science*. Routledge (<http://www.princeton.edu/~kewhitt/lawandpolitics>).

Zor'kin V.D. (2010) *Predel ustupchivosti* [The limit of compliance]. *Rossijskaya gazeta*, 29 oktjabrja.

Zor'kin V.D. (2015) *Rossija i Strasburg* [Russia and Strasbourg]. *Rossijskaya gazeta*, 21 oktjabrja.